

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

UDC [94+930](47+57)
LBC 63.3

Submitted: 23.04.2023
Accepted: 29.09.2023

THE THEME OF THE EAST IN THE SOCIETY OF MARXIST HISTORIANS IN THE SECOND HALF OF THE 1920s – EARLY 1930s

Victor N. Danilov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Oriental studies was not the leading direction in the activities of the society of Marxist historians (the second half of the 1920s – early 1930s), but it played a significant role in bringing this field of knowledge closer to the practical needs of the current policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern. *Methods and materials.* The research is based on traditional methods of historiographical analysis. It uses materials from historical journals of the 1920s and 1930s and archival documents. *Analysis.* Reports at general meetings of the Society and the History of the East section and publications in the journal “Historian-Marxist” focused on the problems of the history of the national liberation movement in colonial and dependent countries, the policy of tsarist Russia on the southern outskirts of the empire, and socialist transformations in the national republics of the USSR. If in the early years the most influential were the well-known Marxist orientalists M.P. Pavlovich, V.A. Gurko-Kryazhin, and I.M. Reisner, then in the subsequent period Oriental historians who did not have serious scientific authority but firmly adhered to the class approach occupied the leading positions in the society. After the All-Union Conference of Marxist Historians, they focused their attention on criticizing the “old bourgeois schools” in Oriental history and “exposing pseudo-Marxism in their own ranks.” *Results.* However, they could achieve results in solving only the second task, using, first, discussions about socio-economic formations, about the situation and tasks at the front of the study of the East, and about the non-Marxism of Gurko-Kryazhin’s historical views. The ideological turn of the mid-1930s largely devalued the importance of the research of this generation of Marxist Orientalists, and the authorities recognized the achievements of representatives of academic Oriental studies.

Key words: society of Marxist historians, Soviet Oriental studies, section, discussions, national liberation movement, “Asian” mode of production.

Citation. Danilov V.N. The Theme of the East in the Society of Marxist Historians in the Second Half of the 1920s – Early 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 235-248. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

УДК [94+930](47+57)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 23.04.2023
Дата принятия статьи: 29.09.2023

ТЕМА ВОСТОКА В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Виктор Николаевич Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Востоковедение не являлось ведущим направлением в деятельности общества историков-марксистов (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.), но оно сыграло заметную роль в приближении этой области знания к практическим потребностям текущей политики ВКП(б) и Коминтерна. Доклады на общих собраниях Общества и секции истории Востока, публикации в журнале «Историк-марксист» сосредотачивались вокруг проблематики истории национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, политики царской России на южных окраинах империи и социалистических преобразований в национальных республиках СССР. Если в первые годы наибольшее влияние имели известные марксисты-востоковеды М.П. Павлович, В.А. Гурко-Кряжин, И.М. Рейснер, то в последующий период руководящие позиции в

Обществе заняли историки-востоковеды, не имевшие серьезного научного авторитета, но твердо придерживавшиеся классового подхода. После проведения Всесоюзной конференции историков-марксистов в центр своего внимания они поставили критику «старых буржуазных школ» в области истории Востока и «разоблачение псевдомарксизма в собственных рядах». Однако смогли добиться результатов в решении только второй задачи, используя для этого в первую очередь дискуссии об общественно-экономических формациях, о положении и задачах на фронте изучения Востока, о немарксизме исторических взглядов Гурко-Кряжина. Идеологический поворот середины 1930-х гг. во многом обесценил значение исследований этого поколения марксистов-востоковедов, а властью были признаны достижения представителей академического востоковедения.

Ключевые слова: общество историков-марксистов, советское востоковедение, секция, дискуссии, национально-освободительное движение, «азиатский» способ производства.

Цитирование. Данилов В. Н. Тема Востока в обществе историков-марксистов во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 235–248. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.17>

Введение. Возросшее в последние годы значение связей со странами Востока стимулирует дальнейшее научное изучение этой части мирового пространства, для чего полезным может быть обращение к опыту организации востоковедческих исследований в предшествующие периоды. Становление советского востоковедения как своеобразного научного феномена представляет собой сложный и противоречивый процесс, начало которому было положено в первые послереволюционные годы. Оно происходило в обстановке соперничества двух подходов: «комплексного» (академического) востоковедения, основанного на синтезе филологии, истории и этнографии, которого придерживались востоковеды «старой» школы, и так называемого практического востоковедения, опиравшегося на методы обществоведческих дисциплин (экономика, социология, политика). В деле продвижения «нового» востоковедения, приближенного к потребностям текущей международной и внутренней политики ВКП(б), заметную роль сыграло действовавшее с 1925 по 1932 г. общество историков-марксистов при Коммунистической академии (Общество).

Общие принципы организации и деятельности общества историков-марксистов были достаточно хорошо освещены как в советской [9], так и в современной историографии [7; 19]. При этом в публикациях последних лет функционирование Общества удачно вписывается в общий контекст советской исторической науки и тех новых исторических учреждений, которые действовали в 1920–1930-е гг. [4; 20] Что же касается тематической направленности

его работы, то мы имеем лишь единичные специальные публикации: по проблемам украинской истории [6] и новой истории Запада [21]. В современных работах об обществе историков-марксистов тема истории Востока практически не затрагивается. В этом отношении даже гораздо большую информацию мы можем получить в трудах, изданных еще в советское время, как в целом по историографии этого периода, так и по истории советского востоковедения.

Методы и материалы. Как всякое историографическое исследование, работа основывается на принципе историзма, который предполагает, что каждый историографический факт анализируется в процессе возникновения, становления и развития, а события исторической науки изучаются в тесной связи с условиями их появления. Важнейшее значение для нас имеет использование сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить качественные изменения в историографических явлениях на различных этапах. На изучение отдельных историографических ситуаций ориентирован идеографический метод. Исследование базируется на материалах, отражающих историю общества историков-марксистов, одни из них публиковались в периодических изданиях организации – журналах «Историк-марксист» и «Борьба классов», а другие – отложились в архивном фонде Общества (Ф. 377), который находится в Архиве Российской академии наук.

Анализ. Востоковедческое направление обозначилось уже в самом начале конструирования общества историков-марксистов, по-

сколькo одной из инициативных ячеек, поставивших вопрос о его организации, была научно-историческая группа при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени Сталина (КУТВ), образованная в январе 1925 г. [11] 5 февраля 1925 г. КУТВ делегировал на организационное совещание историка А.В. Шестакова, преподававшего тогда в комвузе. Он вместе с М.Н. Покровским, П.О. Гориним и Г.С. Зайдедем вошел в состав организационной комиссии для «созыва собрания учредителей, выработки устава общества и проведения организационной работы». 2 марта 1925 г. на учредительном собрании Шестаков был избран в состав временного совета Общества и назначен ответственным редактором его печатного органа – журнала «Историк-марксист» [26, с. 317]. Через год, после утверждения в НКВД устава Общества, в состав постоянного совета (всего 14 членoв) были избраны также историки-востоковеды В.А. Гурко-Кряжин и М.П. Павлович (Вельтман) [12], а в числе первых пяти секций решено было образoвать секцию истории Востока.

До этого марксисты-востоковеды активно были задействованы в ряде других научных организаций. Еще в конце 1921 г. декретом ВЦИК создается Всероссийская (с 1923 г. Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения (ВНАВ) с целью руководства этим научным направлением, представлявшим для Советского государства непосредственный практический интерес в деле продвижения идей социализма на Восток. Работа в ВНАВ и его печатном органе – журнале «Новый Восток», безусловно, ослабляла внимание востоковедoв к деятельности общества историков-марксистов. Члены Общества, изъявившие желание работать в секции истории Востока, долгое время не могли избрать ее президиум (бюро). Учредительное собрание секции состоялось только 18 января 1927 г. [31], за несколько месяцев до смерти М.П. Павловича, считавшегося лидером нового советского востоковедения. На конец 1928 г. в составе секции насчитывалось 13 действительных членoв и 20 членoв-корреспондентов, из них в Москве находилось не больше 18 человек [22]. Организационные проблемы и параллелизм с ассоциацией, по всей видимости, и

дали основание известному советскому историку А.Л. Сидорову впоследствии в своих воспоминаниях отметить, что в Обществе «всеобщая история сводилась главным образом к истории Запада, ибо востоковеды стояли особняком» [38, с. 136], что было не совсем так.

Если секционная работа по истории Востока не сразу была налажена, то доклады по историко-восточной тематике на общих собраниях Общества уже ставились во второй год его существования. Первым таковым стал доклад видного деятеля партии большевиков и Коминтерна, ректора Коммунистического университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УКТ) К.Б. Радека «Спорные вопросы китайской истории» (ноябрь 1927 г.), который явился в какой-то степени предтечей известной дискуссии об «азиатском» способе производства. Карл Радек к числу дискуссионных вопросов многовековой истории Китая отнес, прежде всего, вопросы о характере общественного строя, экономики и государственной власти. Древний Китай он считал «типичным феодальным государством», но начисто отрицал феодализм после начала новой эры и наличие феодальных пережитков в современных условиях [14, с. 25–38], о которых не редко говорилось в работах того времени. Ставя вопрос о том, что понимание современной китайской экономики и соотношения классов «упирается в прошлое Китая» [14, с. 25], Радек стремился в первую очередь исторически обосновать рекомендации Коминтерна по стратегии действий Компартии Китая в развернувшейся гражданской войне. Вскоре он публикует в журнале «Новый Восток» большую статью, развивавшую положения названного доклада [34].

Еще раньше, в самом первом номере журнала «Историк-марксист» (1926 г.) была помещена статья М.П. Павловича «Революция 1905 г. и Восток», которая, с одной стороны, под влиянием трудов В.И. Ленина обозначила приоритетную для марксистов-востоковедoв 1920-х гг. тематику истории национально-революционного движения, а с другой – стала частью юбилейных мероприятий в связи с 20-летием Первой русской революции. В статье обосновывался не только исторически обусловленный характер сближения СССР со странами Востока на почве совместной

антиимпериалистической борьбы, но и явно просматривались еще не изжитые иллюзии мировой революции. Подчеркнув, что «в жизни азиатских народов русская революция сыграла такую же громадную роль, какую некогда в жизни европейцев сыграла Великая французская революция» [24, с. 142], и показав это на примере Персии, Турции, Индии и Китая, М.П. Павлович указывал, что одной из основных причин, обусловивших поражение русской революции и временный разгром освободительного движения народов Востока, явилось отсутствие серьезной поддержки им со стороны рабочих масс Запада, тогда как его буржуазия оказала самую энергичную помощь контрреволюции в России и во всех восточных странах.

Десятилетие восстания 1916 г. в Средней Азии было отмечено выходом в журнале «Историк-марксист» статьи А.В. Шестакова [45], подготовленной на основе доклада, который он сделал в КУТВ еще весной 1925 года. К тому времени в советской историографии существовали разные точки зрения на природу восстания (провокация царского правительства, панисламистское движение и т. п.). По версии А.В. Шестакова, восстание 1916 г. в узбекских, киргизских и туркменских районах было массовым движением против колониальной политики русского империализма, заостренным «на вопросах аграрном и на мобилизации населения в тыловые дружины на помощь армии, ведшей войну в интересах того же империализма» [45, с. 114]. В последующих работах советских историков на основе классового подхода утвердилась точка зрения на эти события как на восстание широких трудящихся слоев Средней Азии против царской администрации и своих имущих классов. В современной российской и национальных историографиях существуют разные ответы на вопрос, который был поставлен в 1920-е гг., – «что же такое восстание 1916 г.?»: «ошибка власти» (обусловленная имперской природой отношения к окраинам), «историческая закономерность» (следствие имперской природы отношения к окраинам), отправка точка для формирования «национальной идеи» у каждого из народов Центральной Азии [15, с. 104].

1927 год прошел в обществе историков-марксистов под знаком 10-летнего юбилея

Октябрьской революции. Значительный блок докладов был посвящен революционным откликам на это событие за рубежом, в том числе на Востоке. Неким ее аналогом, наряду с революциями, приведшим к созданию Венгерской и Баварской советских республик, но с восточной спецификой, считалась революция в персидской провинции Гилян в 1920–1921 годах. Ей журнал «Историк-марксист» посвятил обстоятельную статью историка-востоковеда, сотрудника НКВД, несколько лет проработавшего в Персии, В.Л. Осетрова, писавшего под псевдонимом Ирандуст. Из практики гилянкой революции автор попытался вывести некую теоретическую формулу об опасности «перепрыгивания через один этап движения (буржуазно-демократический) и преждевременного провозглашения лозунгов следующего этапа (социалистического), в результате чего произошла дезорганизация движения и преждевременное отбрасывание в лагерь контрреволюции социальных групп, которые на данном этапе еще являются революционными и возможности которых далеко не исчерпаны» [13, с. 146].

По сути дела в первые годы именно журнал «Историк-марксист» взял на себя дело продвижения в Обществе темы Востока. В отчете о деятельности журнала за пять лет проблематика по истории советского Востока и национально-освободительного движения в колониях была названа в числе самых приоритетных [46, с. 135]. Эти публикации показывали противоречивый характер общественно-политических отношений в Азии и Африке, которые в своей деятельности должен учитывать Коминтерн, и были нацелены на выявление исторической обусловленности трудностей в деле социальных преобразований в республиках Средней Азии.

Своеобразным смотрам для советских историков стала Всесоюзная конференция историков-марксистов (конец декабря 1928 – начало января 1929 г.). По словам П.Н. Покровского, всесоюзный статус она приобрела благодаря тому, что в ней приняли участие не только историки из РСФСР, но и из других союзных республик, в том числе из Закавказья, Туркменистана и Узбекистана. По его словам, в последних двух, «вероятно, марксистская история будет первым видом научной

истории, тот час после летописей. Счастливые люди!» [29, с. 7–8]. В своих выступлениях на конференции они главным образом «давали доказательства большой научной работы, проделанной на местах, в деле создания марксистской истории той или иной республик СССР» [2, с. 244]. Тем не менее в резолюции конференции среди недостатков в работе Общества были указаны «распыленность и неорганизованность историков-марксистов, работающих как в области изучения истории зарубежного Востока, так и народностей, входящих в состав СССР», а в качестве важнейшей задачи – «разработка проблем, связанных с колониальной политикой империалистов на Востоке, и изучение враждебных пролетариату идеологий Востока» [1, с. 230; 36, с. 230].

Такая идейно-тематическая ориентировка марксистов-востоковедов была не случайной, поскольку в ряде выступлений на секции истории народов СССР прозвучали неоднозначные оценки роли дореволюционной России в истории восточных территорий империи. Сначала это обнаружилось в дискуссии по докладу П.Г. Галузо «О периодизации национально-освободительного движения в Средней Азии». Как отмечалось в отчете конференции, «тут выявились довольно разные точки зрения в среде марксистов по этому вопросу. Ряд товарищей указывали на прогрессивную роль, которую сыграли завоевания Средней Азии Россией, другие стояли на противоположной точке зрения, указывая, что эта прогрессивность была только с точки зрения капитализма, а не с точки зрения тех масс населения, которые давила царистская колониальная политика» [2, с. 244]. Затем грузинский историк Ф.И. Махарадзе в докладе «История Грузии в XIX в.» прямо заявил о прогрессивной роли «владычества России в Грузии», на что Покровский ответил язвительной репликой: «тов. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно представить» [43, с. 192]. Постановка в ряде выступлений вопроса о прогрессивной роли России в Средней Азии и Закавказье и острая реакция на это Покровского свидетельствовали о том, что не

все историки-марксисты разделяли его концепцию «абсолютного зла» относительно присоединения нерусских народов к империи, и то, что появление во второй половине 1930-х гг. формулы «наименьшее зло» было вполне закономерно.

По окончании конференции по инициативе бюро секции истории Востока состоялось совещание востоковедов-марксистов, принявшее резолюцию конфронтационного характера по отношению к немарксистской историографии. В ней говорилось, что «старая буржуазная восточная историческая наука переживает совершенно очевидный кризис: она накапливает все больше и больше фактического материала, но ничего стройного и теоретически цельного дать не может», а «новые марксистские силы еще только начинают разворачивать свою работу», которая ведется недостаточно организованно, в силу этого основные востоковедческие учреждения «все же остаются в руках старых буржуазных ученых» [3, с. 324–325; 43, с. 332]. Поэтому в качестве задачи для историков-марксистов совещание определило: «решительную борьбу против всяких немарксистских течений, откуда бы они ни исходили», «объединение марксистских востоковедческих сил и координацию их работы», «перевести центр тяжести на разработку истории колониальной политики как России, так и остальных капиталистических стран» [3, с. 324–325; 43, с. 333].

С этой целью новое бюро секции истории Востока развернуло работу по привлечению в Общество историков, которые трудились в разных московских научно-исследовательских учреждениях. В результате состав секции был увеличен в полтора раза, что позволило наладить регулярное обсуждение в ней докладов, наметить план издательской деятельности и начать работу над серией «Книги для чтения по истории Востока» [22]. В то же время в ней стали преобладать люди, не имевшие серьезных научных трудов, а к руководству пришли радикальные сторонники политики «большевизации» востоковедных учреждений (А.М. Васютинский, А.Ф. Алимов, Д.М. Мышковский, В.А. Цой-Шену, А. Герваль). В январе 1930 г. они приняли решение образовать секцию истории зарубежного Востока, а тем историкам, кто работал

по советскому Востоку, было предложено войти в секцию истории народов СССР, в которой «создать подсекцию народов Поволжья, Сибири, Средней Азии, Кавказа и Крыма» [30].

В определенной степени знаковым для секции истории Востока оказалось обсуждение 12 января 1929 г. доклада М.М. Цвибака «Классовая борьба в Туркестане», попытавшегося в духе времени «соединить теорию с практикой». Отталкиваясь от известной ленинской концепции о «двух путях развития капитализма в России», Цвибак заявил, что для революционного движения в Средней Азии характерно наличие «параллельно развивающихся и сливающихся друг с другом – процесса общероссийского развития революции в европейских городах туркестанской колонии и процесса колониального революционного переворота. Слияние обоих процессов происходит не в 1917 г., а гораздо позже, в результате полного изменения национальной политики» [44, с. 144]. Всякие попытки, по его мнению, охарактеризовать революционное движение в Туркестане как более быстрое и передовое по сравнению с общероссийским «исторически не верны и методологически не выдержаны, и кроме того, они питают неправильные иллюзии о возможности для республик Средней Азии самим справиться с основными задачами социалистического строительства силами местного пролетариата» [44, с. 144].

При воплощении в жизнь задачи изучения «враждебных пролетариату идеологий Востока», поставленной на Всесоюзной конференции историков-марксистов, наибольшее внимание было уделено разбору классовой сущности гандизма, становящегося все более влиятельной идеологией в колониально-зависимых странах. В мае 1930 г. состоялось несколько заседаний секции зарубежного Востока, на которых был обсужден доклад И.М. Рейснера «О Ганди». Он определил учение Ганди о ненасилии как «кастрированное толстовство», и в условиях изменившейся расстановки классовых сил, когда на арену активных политических действий вышел пролетариат, это «самая отвратительная реакционная идеология блока туземной буржуазии с феодальными слоями, противостоящими революции» [37, с. 63, 75]. Положения доклада были поддержаны в выступлениях Р.А. Ульяновского,

С.В. Михайлова, И.Ф. Яновского и других, призывавших всецело поддерживать индийских коммунистов в их идейном противоборстве со сторонниками М. Ганди в ходе национально-освободительной борьбы за независимость.

Наиболее заметным мероприятием для Общества, где тема Востока прозвучала наиболее громко, была дискуссия об общественно-экономических формациях. Изначально она возникла как обсуждение вопроса об «азиатском» способе производства и, помимо неоднократного его упоминания в трудах К. Маркса, имела своим истоком полемику в Коминтерне по поводу оценки событий 1927 г. в Китае. В результате в принятую на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. программу (в раздел о типах революций в колониальных и зависимых странах) вошло упоминание об «азиатском» способе производства. Вопрос об «азиатском» способе производства был затронут на XV съезде ВКП(б) и обсуждался на востоковедной секции конференции аграрников-марксистов. Очень скоро политическая дискуссия нашла отражение в трудах советских историков (Л.И. Мадьяр, М.Д. Кокин, Г.К. Папаян, С.А. Далин, И.М. Рейснер, Т.Д. Берин и др.).

Поэтому доклад С.М. Дубровского, вокруг которого строился весной 1929 г. трехдневный диспут в обществе историков-марксистов о социально-экономических формациях, явился в первую очередь откликом на развернувшуюся дискуссию об «азиатском» способе производства, и не случайно, что он был поставлен в социологической секции Общества совместно с секцией по истории Востока [39, с. 279]. Доклад был зачитан еще до выхода в свет при содействии Научной ассоциации востоковедения известной брошюры «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитализма».

В определении места «азиатского» способа производства и его характеристике участники дискуссии по большей части обращались к взглядам на эту проблему основоположников марксизма и В.И. Ленина, но так и не внесли существенной ясности. Высказывалась точка зрения, что в ранних работах Маркса имелись ввиду архаичные родовые общины, а в поздних – классовые общества.

Некоторые выступавшие считали, что в последние годы Маркс отказался от первоначального подхода к восточным обществам как определенной стадии в историческом развитии человечества. Активно обсуждался вопрос о соответствии взглядов классика, сформулированных на базе исторической науки середины XIX в., современному востоковедению [8, с. 126–127].

Споры же о сущности «азиатского» способа производства велись в основном вокруг черт, определенных наиболее активным сторонником этой концепции Л.И. Мадьяром: частная собственность на землю на Востоке отсутствует, верховным собственником земли и воды – основных средств производства – является деспотическое государство, основной экономической формой эксплуатации служит налог, совпадающий с рентой, налицо соединение земледелия с промышленностью. «Азиатский» способ производства, по Мадьяру, отличен и от рабовладения, и от феодализма [8, с. 108–109]. Лишь некоторые выступавшие (А.А. Ломакин, И.М. Рейснер) поддержали эту концепцию и утверждали, что существовал специфический для восточных народов тип производственных отношений [8, с. 110, 122].

Подавляющее же большинство выступавших вслед за Дубровским отрицали наличие особой общественно-экономической формации, присущей восточным странам. При этом некоторые из них приносили сюда политический момент, указывая, что теория «азиатского» способа производства смыкается с империалистическими и национал-реформистскими идеями о мнимой специфичности Востока, не знавшей классов и классовой борьбы [8, с. 153]. Работник Коминтерна индиец А. Мухарджи заявил, в частности, что «настаивать на существовании особого “азиатского”» способа производства – «значит солидаризироваться с шовинистическими элементами Индии и других стран», потворствовать Ганди в проведении политики сотрудничества классов и в «создании единой национальной партии» [8, с. 110].

Проблема «азиатского» способа производства получила в то время широкий отклик исторической общественности. Как отмечалось в отчете о работе социологической сек-

ции общества историков-марксистов за 1929 г., в дискуссии о социально-экономических формациях «количество записавшихся ораторов было исчерпано едва лишь наполовину, и свыше 10 человек не смогли за недостатком времени воспользоваться словом» [39, с. 279]. Аналогичная московской прошла дискуссия в Закавказском отделении общества историков-марксистов (по докладу Т.Д. Берина – 1930 г.), в обществе марксистов-востоковедов при Ленинградском отделении Комакадемии и Ленинградском восточном институте (1929 и 1931 гг.), в Институте красной профессуры (1929 г.) и др. [23, с. 740–741]. Однако дискуссия по распоряжению партийных инстанций была в 1931 г. искусственно прервана, а сторонников концепции «азиатского» способа производства обвинили в протаскивании бухаринско-богдановской методологии и троцкизма. Возобновилась дискуссия об «азиатском» способе производства среди советских историков в 1960-е гг., но с тем же незавершенным результатом. Вновь об этой концепции вспомнили в 1990-е гг., есть у нее сторонники и в настоящее время.

Как известно, «наступление социализма по всему фронту», предпринятое в конце 1920 – начале 1930-х гг., сопровождалось и идеологическими кампаниями в гуманитарных науках. В резолюции собрания общества историков-марксистов 19 марта 1930 г. прямо говорилось, что на первый план для него выдвигается «борьба с чуждыми марксизму буржуазными историческими концепциями, а также с пережитками этих концепций в нашей собственной среде» [35, с. 166]. Затронуло это и востоковедение, но в отличие от других областей исторической науки (история России и история Запада) не коснулось востоковедов «старой» школы, хотя отдельные попытки подтянуть сюда и их – предпринимались. Так, в докладе С.А. Пионтковского «Великорусская буржуазная историография», прочитанном 10 октября 1930 г., в числе враждебно настроенных к советской власти историков назывались академики С.В. Жебелев и С.В. Ольденбург, а в выступлениях во время дискуссии прозвучало, что следовало бы «галерею портретов» историков, замеченных в великорусском шовинизме (С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, П.Г. Любо-

миров), «дополнить такой фигурой, как акад. Бартольд», книга которого «Очерки культурной жизни Туркестана» – «это апологетика действий... русского капитала, русской колониальной политики в Ср. Азии» [27, с. 170–171]. То, что востоковеды «старой» школы отделились легким испугом, вероятно, можно объяснить тем, что перспектив в научной критике маститых ученых прежней формации у слабо подготовленных марксистов не было никаких, а отмашки «сверху» не последовало, ввиду ценности практической работы академических ученых-востоковедов. По отношению к ним продолжала действовать тактика скрытой борьбы. Показательно в этом отношении обсуждение в марте 1929 г. на секции истории Востока вопроса о слиянии Московского и Ленинградского институтов востоковедения и размещении его в Москве, где заявлялось, что «нужно использовать старых востоковедов-специалистов», но нельзя отдать руководство институтом «в руки профессоров, голосовавших против Деборина, Лукина и Фриче» [32, л. 6]. Поэтому объекты для идеологического наступления в востоковедении были найдены внутри самого общества историков-марксистов.

Основной удар разоблачительной критики пришелся по одному из основателей Общества В.А. Гурко-Княжину, написавшему свои первые историко-публицистические работы по востоковедческой тематике еще до революции, а после 1917 г. активно участвовавшему в создании «нового» советского востоковедения. В своих трудах он главным образом касался проблем национально-освободительных движений и социально-политической и экономической истории стран и народов Востока периода новой и новейшей истории. 13 апреля 1930 г. на секции истории зарубежного Востока был обсужден доклад Л.П. Мамета «Отражение марксизма в буржуазном востоковедении (В. Гурко-Кряжин и Восток)». В нем Гурко-Кряжин был назван «буржуазным востоковедом, прикрывающимся марксистской фразеологией». При этом не скрывалась политическая направленность данной дискуссии и отвергалось истолкование ее как личной травли ученого [33, л. 2].

Докладчик доказывал, что методологические установки историка определились еще

в работе 1914 г. «Белая опасность: Восток и Запад», которые заключались в апологии Востока и «в основном без изменения перенесены через все годы революции к настоящим дням» [18, с. 71]. Впоследствии апология Востока, говорил Л.П. Мамет, «примет у Гурко-Кряжина форму политического пантюркизма, панисламизма», где марксизм служит только ширмой [18, с. 72]. Общий вывод в докладе звучал так: «Гурко-Кряжин эклектик, объективно представляющий буржуазное востоковедение, объективно занимающийся апологией империализма, который свой эклектизм и часто непонимание целого ряда проблем прикрывает звонкой марксистской фразой» [18, с. 81].

Поскольку на заседании секции зарубежного Востока 13 апреля 1930 г. Гурко-Кряжин по болезни отсутствовал, то он подготовил заявление с ответом на обвинения Мамета, опубликованное в том же номере журнала «Историк-марксист», что и доклад. В заявлении историк признавал, что у него были ошибки в области марксистской методологии, но они носили объективный характер, так как марксизм усваивался им «не по какому-то наитию, а брался с бою, в результате многих лет упорной научной работы». Вместе с тем Гурко-Кряжин возражал против формы критики его трудов и методологических подходов [5; 10, л. 1–2].

Следуя уже устоявшейся практике работы, когда последнее слово в полемике остается за ее инициатором, редакция журнала напечатала здесь же ответ Л.П. Мамета, в котором тот обвинил Гурко-Кряжина в попытке своими возражениями «замести следы» [17, с. 95]. Мамет громко пообещал: «Приспосабливающихся к марксизму много, и они, несомненно, будут разоблачены востоковедами-марксистами» [17, с. 93], не подозревая того, что вскоре это коснется его самого. 6 апреля 1931 г. в газете «Правда» была напечатана рецензия М. Тайшина на книгу Л.П. Мамета «Ойротия», в которой работа была названа «антиленинской и вредной по своим установкам», а ее автор якобы «стал рупором буржуазно-националистических идей», «обратился к клеветническим источникам». 24 апреля 1931 г. «Правда» опубликовала письмо Мамета, в котором тот каялся в допущенных «грубейших» ошибках.

А вот обещанная редакцией «Историка-марксиста» публикация «в ближайшем номере журнала» второго письма Гурко-Кряжина от 10 сентября 1930 г. «с примечаниями редакции», «в котором последний признает ряд ошибочных положений в своих работах последних лет» [17, с. 96] (неучет возможности некапиталистического развития в Персии, крайне узкое понимание аграрного вопроса в Турции и др.), так и не состоялась. Текст письма, которое сохранилось в архиве РАН, свидетельствует о том, что историк смирился с невозможностью идейной и научной реабилитации. Покаяние заканчивалось следующей фразой: «Сейчас не время для сентиментально-личных обид, того или иного ушибленного, чересчур “мимозного” научного самолюбия, и с этой точки зрения я считаю, что здоровая критика моей научной деятельности лишь поможет мне отделаться от моих невольных ошибок и строже вести свою работу» [28, л. 3]. Вскоре Гурко-Кряжин был исключен из общества историков-марксистов, а 17 октября 1931 г. он скончался.

Последним крупным мероприятием по теме Востока, в котором было задействовано общество историков-марксистов, явилась дискуссия «О положении и задачах на фронте изучения Востока», организованная в стенах ИКП истории, права и строительства 28 ноября 1930 года. С докладами выступили известный деятель ВКП(б) Г.И. Сафаров об изучении зарубежного Востока [40, л. 1–5] и К.В. Таболов, в то время ответственный редактор Закавказской краевой газеты «Заря Востока», о разработке проблем советского Востока [41]. Их обсуждение предшествовало более известной дискуссии о положении в области изучения истории Запада и в какой-то степени послужило для нее образцом в своей разоблачительной направленности.

В самом начале своего доклада Г.И. Сафаров отметил «чрезвычайно пестрое и неустойчивое состояние... на востоковедческом фронте в СССР», что, по его мнению, является «прямой угрозой» решению практических задач социалистического строительства и антиколониальной революции. Вину за это он возложил на ВНАВ, которая якобы задержала организацию марксистско-ленинского ядра и разработку основных проблем истории Во-

стока. Руководство же марксистского востоковедения проявило «полную бесхребетность», а сотрудничество с попутчиками «понималось им в смысле примиренческого отношения к протаскиванию либерально-стувистских идей» [40, л. 2–3].

К.В. Таболов продолжил линию на критику ВНАВ, обвинив ее председателя С.М. Диманштейна в «великорусском шовинизме», но главное внимание уделил необходимости противодействия всякого рода отклонениям от марксизма-ленинизма у историков, связанных с республиканскими компартиями. Поэтому в теоретической разработке проблем советского Востока, по его мнению, должно занять самое серьезное место «изучение своеобразных форм классовой борьбы в национальных окраинах» [41, л. 3].

В выступлениях участников дискуссии констатировалось, что «на фронте востоковедения и по сей день еще очень мало марксистских теоретиков», а те, кто действовал «под маской марксистов», допускали оппортунистические утверждения относительно истории стран колониального и полуколониального Востока и изучения вопросов национальной политики партии [16, с. 118]. В числе одной из главных задач, стоящих перед марксистами-востоковедами, во время дискуссии называлась борьба с правыми и левыми «шатаниями» в своей собственной среде. Некоторые ораторы особо заостряли вопрос об опасности активизации в республиках СССР местных националистов, протаскивающих идеи пантюркизма, «мирного вращивания феодализма в социализм» и «культурно-национальной автономии». Как отмечалось в обзорной статье по итогам этой дискуссии в журнале «Борьба классов», ее значение «заключается в том, что она помогла по косточкам разобрать положение на востоковедном фронте» [16, с. 119].

Разоблачительный накал вскоре был усилен принятием 6 февраля 1931 г. тезисов комфракции совета Общества «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период», где относительно востоковедения заявлялось, что «растущее с каждым днем движение в колониях требует твердого большевистского руководства и борьбы на два фронта: с правым оппортунизмом и остатками троцкистской идеологии в вопросах коло-

ниальной революции на всех участках идеологического фронта, в том числе и историческом» [42, с. 9].

Однако уже осенью 1931 г. после публикации известного письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» задача «проверки состава кадров марксистов-востоковедов и организации их для дальнейшего наступления» [16, с. 119], как это формулировалось по итогам упомянутой ранее востоковедческой дискуссии, стала не особо актуальной. В повестке дня самодовлеющим теперь было выявление «троцкистской контрабанды» и «фальсификаций» в истории партии большевиков. Статья синоведа Р.А. Ульянова «Против троцкистской контрабанды в национально-колониальном вопросе» (1931) была каплей в море разоблачительных публикаций по отечественной истории и истории Запада. А с лета 1932 г. начался процесс в целом свертывания деятельности общества историков-марксистов. Часть его работы по интересующему нас направлению была перенесена в созданную в феврале 1930 г. при самом активном участии членов Общества Ассоциацию востоковедов-марксистов при Комакадемии, просуществовавшую вплоть до упразднения этого учреждения.

Результаты. Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что своей деятельностью общество историков-марксистов на перспективу обозначило в отечественном востоковедении тенденцию на дисциплинарную его специализацию (история, лингвистика, литературоведение, экономика, этнография и т. д.) и отход от универсализма («комплексное востоковедение»), унаследованного от дореволюционного периода. В значительной мере ведущей для советских историков-востоковедов в последующие десятилетия будет проблематика изучения истории национально-освободительных движений в странах Азии и Африки, политики России на окраинах и советского строительства в Средней Азии и Закавказье, которая доминировала у историков-марксистов 1920-х – начала 1930-х годов. Но с началом идеологического поворота середины 1930-х гг. уже не оказалось места тем историкам-марксистам-востоковедам, которые задавали тон в предшествующее десяти-

летие. Репрессиям подверглись упоминавшиеся ранее К.Б. Радек, Г.И. Сафаров, М.М. Цвибак, Л.И. Мадьяр, Л.П. Мамет, В.Л. Осетров (Ирандуст), А.Е. Ходоров, К.В. Таболов и др. Показательно, что заслуги ни одного из этой когорты историков не будут упомянуты в юбилейном сборнике 1942 г., а были отмечены научные достижения представителей «старого» востоковедения – академиков В.В. Бартольда, С.А. Жебелева, И.Ю. Крачковского, Б.Я. Владимирцева [25, с. 22–24]. Таковой оказалась сложная диалектика становления советского востоковедения, как, впрочем, и других областей исторической науки СССР.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность доктору исторических наук Лёвину Сергею Владимировичу за помощь в подборке архивных материалов.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses gratitude to the Doctor of Sciences (History), S.V. Levin, for his help in the selection of archival materials.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230–231.
2. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Секция народов СССР // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 231–246.
3. Всесоюзная конференция историков-марксистов. Собрание историков Востока // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 324–333.
4. Гришаев О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. в СССР. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2020. 368 с.
5. Гурко-Кряжин В. В секцию истории зарубежного Востока общества историков-марксистов. Заявление // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 89–91.
6. Данилов В. Н. Украинская тема в обществе историков-марксистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Меж-

дународные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 22–30. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

7. Данилов В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» // История и историческая память. 2016. № 13–14. С. 93–103.

8. Дискуссия о социально-экономических формациях // Историк-марксист. 1930. № 16. С. 104–159.

9. Дорошенко В. А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 3. С. 10–22.

10. Заявление Гурко-Кряжина, объяснение ошибок, допущенных в исторических работах, и ответ на тезисы Мамета // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 377. Оп. 1. Д. 539а. 4 л.

11. Из жизни историков в комвузах // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 322–323.

12. Из текущей деятельности общества // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320.

13. Ирандуст. Вопросы гиланской революции // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 124–146.

14. Карл Радек о Китае: документы и материалы / ред. и сост. А. В. Панцов. М.: Соверо-принт, 2005. 303 с.

15. Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 24–105.

16. Кузнецов И. О положении и задачах на фронте изучения Востока. К итогам дискуссии в ИКП истории, права и строительства // Борьба классов. 1931. № 2. С. 118–119.

17. Мамет Л. О «марксизме», усвоенном в бою с марксизмом (по поводу «заявления» Гурко-Кряжина) // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 92–96.

18. Мамет Л. Отражение марксизма в буржуазном востоковедении (В. Гурко-Кряжин и Восток) // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 69–81.

19. Метель О. В. Создание сети региональных отделений общества историков-марксистов в 1930–1932 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 213–219.

20. Метель О. В. Общество историков-марксистов и развитие советской историографии второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. // Груздинская В. С., Клюев А. И., Метель О. В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-х – 1930-х гг. Омск: Издат. центр КАН, 2018. С. 90–105.

21. Метель О. В. Дискуссия на «западном участке исторического фронта» и развитие советской историографии в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 59–63. DOI: 10.17223/19988613/53/12

22. Отчет о работе секции восточной истории общества историков-марксистов (февраль – май 1929 г.) // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 433. 1 л.

23. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV / гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1966. 853 с.

24. Павлович М. П. Революция 1905 г. и Восток // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 142–143.

25. Панкратова А. М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет советской исторической науки. М.: Изд-во АН СССР, 1942. С. 3–40.

26. П. Г. Об обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 317–319.

27. Пионтковский С. А. Великоорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 156–176.

28. Письма в редакцию и в президиум Общества историков-марксистов Гурко-Кряжина от 10.09.1930 г. по поводу доклада Мамета в секции зарубежного Востока на тему «Гурко-Кряжин и Восток» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 140. 3 л.

29. Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 3–11.

30. Протокол бюро восточной секции общества историков-марксистов от 1 января 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 530. 1 л.

31. Протокол заседания учредительного собрания секции по истории Востока от 18 января 1927 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 424. 1 л.

32. Протокол общего собрания секции истории Востока общества историков-марксистов от 28 марта 1929 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 432. 16 л.

33. Протокол общего собрания секции зарубежного Востока общества историков-марксистов от 13 апреля 1930 г. // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 530. 3 л.

34. Радек К. Б. Основные вопросы китайской истории // Новый Восток. 1927. Кн. 16–17. С. 1–53.

35. Резолюции, принятые на общем собрании общества историков-марксистов от 19.III.30 г. // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165–168.

36. Резолюция Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 230–231.

37. Рейснер И. Классовая сущность гандизма // Историк-марксизм. 1930. № 18–19. С. 63–82.

38. Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118–138.

39. Социологическая секция общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 278–280.

40. Тезисы доклада Сафарова «К положению на востоковедческом фронте» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 316. 5 л.

41. Тезисы доклада Таболова «К разработке проблем Советского Востока» // АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 435. Л. 4 л.

42. Тезисы фракции совета общества историков-марксистов «О задачах исторической науки в реконструктивный период» // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 8–17.

43. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г. Т. 1. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. 558 с.

44. Цвибак М. Классовая борьба в Туркестане (Доклад и прения в секции истории Востока 12 января 1929 г.) // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 131–151.

45. Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. (к десятилетию события) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114.

46. Шестаков А. В. «Историк-марксист» за пять лет (1926–1930 гг.) // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 135–136.

REFERENCES

1. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Rezoljucija Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov [All-Union Conference of Marxist Historians. Resolution of the All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 230-231.

2. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Sekcija narodov SSSR [All-Union Conference of Marxist Historians. Section of the Peoples of the USSR] *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 231-246.

3. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov. Soveshhanie istorikov Vostoka [All-Union Conference of Marxist Historians. Meeting of Historians of the East]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 12, pp. 324-333.

4. Grishaev O.V. *Politika partijnyh i gosudarstvennyh organov v oblasti institucionalnoj i nauchnoj organizacii istoricheskogo obrazovanija i izuchenija otechestvennoj istorii v 1917-m – seredine 1940-h gg. v SSSR* [Policy of Party and State Bodies in the Field of Institutional and Scientific Organization of Historical Education and Study of National History in 1917 – Mid-1940s in the USSR]. Voronezh, Izdat. dom VGU, 2020. 368 p.

5. Gurko-Krjazhin V. V sekciju istorii zarubezhnogo Vostoka obshhestva istorikov-marksistov. Zajavlenie. [To the Section of the History of the Foreign East of the Society of Marxist Historians. Application]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 89-91.

6. Danilov V.N. Ukrainskaja tema v obshhestve istorikov-marksistov [The Ukrainian Theme in the

Society of Marxist Historians]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Izvestiya Saratov University. A New Series. Series: History. International Relations], 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 22-30. DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-22-30

7. Danilov V.N. Obshhestvo istorikov-marksistov i istoriki «staroj shkoly» [Society of Marxist Historians and Historians of the “Old School”]. *Istorija i istoricheskaja pamjat* [History and Historical Memory], 2016, no. 13-14, pp. 93-103.

8. Diskussija o socialno-ekonomicheskikh formacijah [Discussion of Socio-Economic Formations] *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 16, pp. 104-159.

9. Doroshenko V.A. Obrazovanie i osnovnye etapy dejatel'nosti Obshhestva istorikov-marksistov (1925–1932 gg.) [Education and the Main Stages of Activity of the Society of Marxist Historians (1925–1932)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija IX. Istorija* [Bulletin of the Moscow University. Series 9. History], 1966, no. 3, pp. 10-22.

10. Zajavlenie Gurko-Krjazhina, objasnenie oshibok, dopushhennyh v istoricheskikh rabotah, i otvet na tezisyy Mameta [Gurko-Kryazhin's Application, Explanation of Mistakes Made in Historical Works and Response to Mamet's Theses]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk (ARAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 539a. 4 l.

11. Iz zhizni istorikov v komvuzah [From the Life of Historians in Komvuz]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 322-323.

12. Iz tekushhej dejatel'nosti obshhestva [From the Current Activities of the Company]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, p. 320.

13. Irandust. Voprosy giljanskoj revoljucii [Questions of the Gilan Revolution]. *Istorik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, no. 5, pp. 124-146.

14. Pancov A.V., ed. *Karl Radek o Kitae: dokumenty i materialy* [Karl Radek on China: Documents and Materials]. Moscow, Sovero-print Publ., 2005. 303 p.

15. Kotjukova T.V. Vosstanie 1916 g.: shtrihi k istoricheskomu portretu [The Uprising of 1916: Touches to a Historical Portrait]. Kotjukova T.V., ed. *Vosstanie v 1916 goda v Turkestane: dokumentalnye svidetel'stva obshhej tragedii* [The Uprising in 1916 in Turkestan: Documentary Evidence of a Common Tragedy]. Moscow, Marjani Publ., 2016, pp. 24-105.

16. Kuznecov I. Opolozhenii i zadachah na fronte izuchenija Vostoka. K itogam diskussii v IKP istorii, prava i sovstroitel'stva [About the Situation and Tasks at the Front of the Study of the East. To the Results of the Discussion in the ICP of History, Law and Co-Construction]. *Borba klassov* [Struggle of Classes], 1931, no. 2, pp. 118-119.

17. Mamet L. O «marksizme», usvoennom v boju s marksizmom (po povodu «zajavlenija» Gurko-Krjazhina) [About the “Marxism” Learned in the Battle with Marxism (About the “Application” of Gurko-Kryazhin)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 92-96.

18. Mamet L. Otrazhenie marksizma v burzhuaznom vostokovedenii (V. Gurko-Krjazhin i Vostok) [Reflection of Marxism in Bourgeois Oriental Studies (V. Gurko-Kryazhin and the East)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 17, pp. 69-81.

19. Metel O.V. Sozdanie seti regionalnyh otdelenij obshhestva istorikov-marksistov v 1930–1932 gg. [Creation of a Network of Regional Branches of the Society of Marxist Historians in 1930–1932]. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoričeskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology], 2018, no. 1, pp. 213-219.

20. Metel O.V. *Obshhestvo istorikov-marksistov i razvitie sovetской istoriografii vtoroj poloviny 1920-h – nachala 1930-h gg.* [The Society of Marxist Historians and the Development of Soviet Historiography in the Second Half of the 1920s – Early 1930s]. Gruzinskaja V.S., Kljuev A.I., Metel O.V. *Očerki istorii institucionalnoj struktury sovetской istoričeskoy nauki 1920-h – 1930-h gg.* [Essays on the History of the Institutional Structure of Soviet Historical Science in the 1920s – 1930s]. Omsk, Izdat. tsentr KAN, 2018, pp. 90-105.

21. Metel O.V. Diskussija na «zapadnom uchastke istoričeskogo fronta» i razvitie sovetской istoriografii v 1920–1930-e gg. [Discussion on the “Western Section of the Historical Front” and the Development of Soviet Historiography in the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2018, no. 53, pp. 59-63. DOI: 10.17223/19988613/53/12

22. Otchet o rabote sekcii vostočnoj istorii obshhestva istorikov-marksistov (fevral – maj 1929 g.) [Report on the Work of the Section of Eastern History of the Society of Marxist Historians (February – May 1929)]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 433. 11.

23. Nechkina M.V., ed. *Očerki istorii istoričeskoy nauki v SSSR. T. IV* [Essays on the History of Historical Science in the USSR. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 853 p.

24. Pavlovich M.P. Revoljucija 1905 g. i Vostok [Revolution of 1905 and the East]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 142-143.

25. Pankratova A.M. *Sovetskaja istoričeskaja nauka za 25 let i zadachi istorikov v uslovijah Velikoj Otečestvennoj vojny* [Soviet Historical Science for 25 Years and the Tasks of Historians in the Conditions of the Great Patriotic War]. *Dvadcat' let sovetской*

istoričeskoy nauki [Twenty-Five Years of Soviet Historical Science]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1942, pp. 3-40.

26. P.G. Ob obshhestve istorikov-marksistov [About the Society of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 1, pp. 317-319.

27. Piontkovskij S.A. Velikorusskaja burzhuaznaja istoriografija poslednego desjatiletija [Great Russian Bourgeois Historiography of the Last]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 18-19, pp. 156-176.

28. Pisma v redakciju i v prezidium Obshhestva istorikov-marksistov Gurko-Krjazhina ot 10.09.1930 g. po povodu doklada Mameta v sekcii zarubežnogo Vostoka na temu «Gurko-Krjazhin i Vostok» [Letters to the Editorial Office and to the Presidium of the Gurko-Kryazhin Society of Marxist Historians Dated September 10, 1930 Regarding Mamet’s Report in the Section of the Foreign East on the Topic “Gurko-Kryazhin and the East”]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 140. 3 l.

29. Pokrovskij M.N. Vsesojuznaja konferencija istorikov-marksistov [All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 3-11.

30. Protokol bjuro vostočnoj sekcii obshhestva istorikov-marksistov ot 1 janvarja 1930 g. [Minutes of the Bureau of the Eastern Section of the Society of Marxist Historians Dated January 1, 1930]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 530. 1 l.

31. Protokol zasedanija uchreditelnogo sobranija sekcii po istorii Vostoka ot 18 janvarja 1927 g. [Minutes of the Meeting of the Constituent Assembly of the Section on the History of the East of January 18, 1927]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 424. 1 l.

32. Protokol obshhego sobranija sekcii istorii Vostoka obshhestva istorikov-marksistov ot 28 marta 1929 g. [Minutes of the General Meeting of the Section of the History of East of the Society of Marxist Historians of March 28, 1929]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 432. 16 l.

33. Protokol obshhego sobranija sekcii zarubežnogo Vostoka obshhestva istorikov-marksistov ot 13 aprelja 1930 g. [Minutes of the General Meeting of the Section of the Foreign East of the Society of Marxist Historians of April 13, 1930]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 530. 3 l.

34. Radek K.B. Osnovnye voprosy kitajskoj istorii [Basic Questions of Chinese history]. *Novyj Vostok* [New East], 1927, books 16-17, pp. 1-53.

35. Rezoljucii, prinjatye na obshhem sobranii obshhestva istorikov-marksistov ot 19.III.30 g. [Resolutions Adopted at the General Meeting of the Society of Marxist Historians of 19 March 1930].

Istorič-marksist [Historian-Marxist], 1930, no. 15, pp. 165-168.

36. Rezoljucija Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov [Resolution of the All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 230-231.

37. Rejsner I. Klassovaja sushhnost gandizma [The Class Essence of Gandhism]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1930, no. 18-19, pp. 63-82.

38. Sidorov A.L. Nekotorye razmyshlenija o trude i opyte istorika [Some Reflections on the Work and Experience of a Historian]. *Istorič SSSR* [History of the USSR], 1964, no. 3, pp. 118-138.

39. Sociologičeskaja sekcija obshhestva istorikov-marksistov [Sociological Section of the Society of Marxist Historians]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 13, pp. 278-280.

40. Tezisy doklada Safarova «K položheniju na vostokovedčeskom fronte» [Theses of Safarov's Report "Towards the Situation on the Orientalist Front"]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 316. 51.

41. Tezisy doklada Tabolova «K razrabotke problem Sovetskogo Vostoka» [Theses of Tabolov's Report "On the Development of Problems of the Soviet East"]. *ARAN* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, inv. 1, d. 435. 41.

42. Tezisy frakcii soveta obshhestva istorikov-marksistov «O zadachah istoričeskoj nauki v rekonstruktivnyj period» [Theses of the Fraction of the Council of the Society of Marxist Historians "On the Tasks of Historical Science in the Reconstructive Period"]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1931, no. 21, pp. 8-17.

43. *Trudy Pervoj Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov. 28 dekabnja 1928 g. – 4 janvarja 1929 g. T. 1.* [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians. December 28, 1928 – January 4, 1929. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Com. akad., 1930. 558 p.

44. Cvibak M. Klassovaja borba v Turkestane (Doklad i preniya v sekcii istorii Vostoka 12 janvarja 1929 g.) [Class Struggle in Turkestan (Report and Debate in the Section of the History of the East on January 12, 1929)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1929, no. 11, pp. 131-151.

45. Shestakov A.V. Vosstanie v Srednej Azii v 1916 g. (k desjatiletiju sobytija) [The Uprising in Central Asia in 1916 (To the Tenth Anniversary of the Event)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1926, no. 2, pp. 84-114.

46. Shestakov A.V. «Istorič-marksist» za pjat let (1926–1930 gg.) [“Historian-Marxist” for Five Years (1926–1930)]. *Istorič-marksist* [Historian-Marxist], 1931, no. 21, pp. 135-136.

Information About the Author

Victor N. Danilov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of the Russian History and Historiography, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Данилов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>